

РУБРИКА ПРОФЕССОРА Л.Б. ЛИХТЕРМАНА

Уважаемые читатели!

Рады сообщить, что в нашем журнале открывается рубрика профессора Леонида Болеславовича Лихтермана.

Л.Б. Лихтерман - профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии России, Главный научный сотрудник-невролог Национального медицинского исследовательского центра нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, Академик Академии профилактической медицины Казахстана, Почетный профессор АО «Национальный центр нейрохирургии»

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ АРЕНДТ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ДЕТСКОЙ НЕЙРОХИРУРГИИ И КОЛЛЕКЦИОНЕР ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Он родился 130 лет назад 18 ноября в Крыму в семье потомственного дворянина. В 1909 г. окончил мужскую гимназию в Симферополе. Затем учился на медицинском факультете Харьковского университета и в 1915 г. сдал Государственные испытания на звание лекаря.

Вначале он был хирургом. Его путь нейрохирурга начинается в 1929 г. в Москве, где открылась первая нейрохирургическая клиника, созданная хирургом Н.Н. Бурденко и неврологом В.В. Крамером.

Благородство

В созвездии Н.Н. Бурденко Андрей Андреевич Арендт выделялся своим высоким дворянским происхождением, красотой – внешней и внутренней, благородством души и манер, особыми интересами в нейрохирургии и страстью к коллекционированию. Блистательного потомка из рода Арендтов, двоюродный прадед которого Николай Федорович Арендт был лейб-медиком Николая I и лечащим врачом Пушкина, Андрея Андреевича боготворили и маленькие пациенты, и их родители, и курсанты Центрального института врачей, и сотрудники бурденковской клиники. Многие буквально влюблялись в очаровательного профессора. Он был прекрасным рыцарем. Крик, грубость, нетактичность, исходившие от иных мэтров, были несовместимы с благородным обликом А.А. Арендта. Мягкая улыбка, доброе слово, исключительная обходительность сопровождали любое его обращение – на разборе клиники, на кафедре при чтении лекции либо в дискуссии на научной конференции. Говорил Андрей Андреевич негромко, несколько витиевато, всегда предпочитая больше рассуждать о достоинствах, чем о недостатках, будь то человек или исследование.

Клиницист

Обходы Андрея Андреевича проходили неторопливо. Вместе со своей свитой он подходил к каждому маленькому пациенту. Дети ждали его и улыбались профессору. Лечащий врач докладывал результаты исследований, что-то добавляла старший невропатолог клиники Ревекка Евсеевна Першман, но Андрей Андреевич непременно сам еще о чем-то спрашивал ребенка или его родителей и часто уточняюще проверял тот или иной симптом. Нежная рука профессора действовала магически – малыш успокаивался и давал себя обследовать (что нередко является проблемой). Удивительно изящно Андрей Андреевич осуществлял перкуссию головы – при подозрении на водянку мозга. При этом он сам был весь внимание, наклонялся к ребенку, чтобы лучше различать ответные звуки. Перкуторный диагноз Андрея Андреевича поражал своей тонкостью и точностью: профессор Арендт слыл крупнейшим знатоком детской гидроцефалии.

Дети из разных республик СССР, лежавшие в клинике А.А. Арендта, нередко впервые именно здесь осваивали русский язык и старались блеснуть знаниями перед любимым профессором. Помню слепого малыша из Грузии с опухолью головного мозга. На вопрос Андрея Андреевича: «Как тебя зовут?», – мальчик с гордостью ответил: «Аптобус, Аптомобиль, Аптандил». Это была его первая речь на русском языке.

Истинную доброту, которую чувствовали дети, дополнял еще один прием подкрепления доверия. Карманы халата Андрея Андреевича всегда были полны хороших конфет, и профессор на обходах щедро угощал своих пациентов.

Научное призвание

Почему Андрей Андреевич Арендт избрал главным направлением врачебной и научной деятельности, более того, смыслом своей жизни детскую нейрохиргию? Мои предположения представляются допустимыми и даже обоснованными.

В 30-е годы педиатрической нейрохирургии как самостоятельного раздела общей нейрохирургии еще не существовало. Детей лечили так же, как и взрослых, мало учитывая анатомо-физиологические особенности ребенка, меняющие реакции организма на любую патологию, будь то опухоли или черепно-мозговая травма. Отсюда иная манифестация, иное клиническое течение, иная переносимость операций, все требует существенных поправок. Андрею Андреевичу, находившемуся в окружении таких выдающихся нейрохирургов, как Н.Н. Бурденко, Б.Г. Егоров, Л.А. Корейша, не хотелось с ними конкурировать. Как и каждая крупная фигура, он желал иметь свое лицо, свое поле деятельности. И Андрей Андреевич нашел его – развивать нейрохиргию применительно к динамическому детскому возрасту. Детей он любил; наверно этому способствовало и отсутствие собственных чад.

Важную роль в становлении педиатрической нейрохирургии сыграло организационное мероприятие – открытие в Институте в декабре 1946г. первого в стране, а может быть и в мире, детского нейрохирургического отделения. Это позволило сосредотачивать маленьких пациентов и, стало быть, более эффективно изучать возрастные особенности различной нейрохирургической патологии. Быстрей накапливался опыт и диагностики, и хирургии.

Научные исследования А.А. Арендта и его школы позволили раскрыть важные закономерности нейрохирургической патологии у детей. Монография Андрея Андреевича «Гидроцефалия и ее хирургическое лечение», вышедшая в свет в 1948 году, явилась первым фундаментальным руководством по проблеме, где она представлена во всей своей сложности, включая патогенез, классификацию, диагностику, консервативную терапию и оперативное вмешательство. Выделенные А.А. Арендтом стадии врожденной гидроцефалии сохраняют свое значение и поныне, способствуя адекватности лечения. В литературу и практику вошла «проба Арендта», предложенная ее создателем для разграничения окклюзионной и открытой водянки головного мозга. Основанная на принципе «сообщающихся сосудов», она – при одновре-

менной вентрикулярной и люмбальной пункциях – позволяет по темпу и степени уравнивания высоты столбика цереброспинальной жидкости в измерительных трубках при поочередном подъеме краниального и сакрального концов, достоверно судить о проходимости ликворных пространств. Длительный дренаж желудочков мозга по А.А. Арендту стал одной из важнейших разгрузочных операций, часто позволяющей переводить срочные ситуации в плановые.

Перечислять все новации по опухолям мозга, эпилепсии, черепно-мозговой травме, туберкулезу нервной системы, уродствам развития ЦНС и др., исходившие из клиники А.А. Арендта, вряд ли необходимо. Основоположник – это ученый, который вырабатывает принципы и закладывает фундамент, на них надежно зиждется дальнейшее развитие его науки. Андрей Андреевич явился основоположником детской нейрохирургии, и этим сказано все. А созданное им и его школой «Руководство по детской нейрохирургии» (вышедшее в 1968 г, увы, уже после смерти мэтра) остается наиболее серьезным клиническим трудом, к которому более 40 лет обращаются нейрохирурги, неврологи и педиатры.

Крымчане

...Впервые я встретился с Андреем Андреевичем летом 1958 г. во время вступительных экзаменов в аспирантуру Института нейрохирургии. Мой реферат «Акупунктура при невритах лицевого нерва» удостоился пятерки, теперь я сдавал нейрохиргию устно.

За длинным столом в кабинете директора напротив экзаменуемого сидели А.А. Арендт, Ю.В. Коновалов, В.М. Угрюмов, А.А. Шлыков, кто-то еще, я не запомнил, и представительница Академии меднаук К.Т. Быкова. На вопросы я ответил прилично. Видимо, понравился. И вдруг Андрей Андреевич спросил: «Вы – не из Крыма, не сын ли профессора Лихтермана?» В этот момент неожиданные слова Андрея Андреевича очень поддержали меня, сняв напряжение экзамена и дав ощущение какой-то теплоты и заинтересованности. Ободренный, я признательно кивнул. Андрей Андреевич мягко улыбнулся: «Значит, мы с Вами земляки. А Вашему отцу в 20-е годы я преподавал хирургию в Таврическом университете». Я удержался от вопросов, которые мне так хотелось задать Андрею Андреевичу, и вышел.

Потом кое-что приоткрылось в крымском периоде жизни А.А. Арендта. Зброшенный в Симфе-

рополь катаклизмами войны, Андрей Андреевич ряд лет работал старшим ассистентом открывшегося здесь Таврического университета на кафедре хирургии у известного профессора М.М. Дитерихса. Здесь он и познакомился со студентом Болеславом Лихтерманом.

Коллекция

В Москву Андрей Андреевич переехал вместе со своей избранницей на всю жизнь Евгенией Григорьевной. Так получилось, что на родной сестре Евгении – Дарье женился деятель Большого театра А.Л. Леонтьев. Сестры были очень дружны – до неразлучности. Подружились и их мужья. В Москве бездетные семьи стали жить вместе в старинном особняке в Померанцевом переулке. Их объединяли не только чувства, но и общие для всех четырех увлечения, главным из которых было коллекционирование.

Коллекцию Андрея Андреевича Арндта я впервые увидел спустя годы после его смерти. Овдовевшие сестры Евгения и Дарья Григорьевны, переселившиеся еще при жизни Андрея Андреевича из двухэтажного особняка в 4-х комнатную квартиру на первом этаже блочного дома, что напротив Новодевичьего кладбища, были необыкновенно гостеприимны. Особенно они радовались, когда их навещали ученики Андрея Андреевича и просто знавшие его. На большой круглый стол выставлялся графин с калгановой водкой, которую они настаивали сами, и всяческая закуска. Поминали Андрея Андреевича и затем следовали воспоминания. Однажды рассказали о дружбе семей Арндта-Леонтьева с Булгаковыми. Именно в саду особняка Арндта в Померанцевом переулке Михаил Афанасьевич незадолго до войны читал и разыгрывал сцены из только что законченного романа «Мастер и Маргарита». С фонарем в руке автор ходил по темной аллее сада и мистифицировал своих первых слушателей. Мнение Андрея Андреевича было для Михаила Афанасьевича особенно значимо. А многие черты Андрея Андреевича писатель использовал при создании образа профессора Преображенского в «Собачьем сердце».

Говорили сестры о своей крымской жизни в семье богатых родителей, о революционных и послереволюционных событиях. Я старался внимать их неторопливым рассказам, но помимо воли глаза разбегались по стенам, столам, стеллажам и полу. Тогда они начинали показывать свои сокровища. Редчайшая русская мебель XVI-XVIII ве-

ков, изумительные коллекции самоваров, тростей, табакерок, медальонов, мелкой пластики, фарфора, великолепные картины. В собрании было немало мемориальных предметов, доставшихся Андрею Андреевичу в наследство, спустя поколения, как потомку знаменитого хирурга первой половины XIX века лейб-медика Николая I - Николая Федоровича Арндта. Вероятно, некоторые из них, например, огромные полотна Кристины Робертсон с портретами дочерей Николая I, были подарены императором своему врачу в знак благодарности. Сохранились инструменты, которыми пользовался Н.Ф. Арндт. Мое внимание привлек дорожный ларец – походная аптечка, постоянно сопровождавшая лейб-медика. С ней он навещал императорскую семью, своих пациентов и тяжело раненого Пушкина. Из массы отсеков и выдвижных ящичков доставал нужные лекарства... Мне разрешили прикоснуться к этой медицинской реликвии.

Около каждого экспоната хотелось подолгу наслаждаться, но, столько интересного сразу окружало тебя, что злоупотреблять физической нагрузкой на хранительниц, давно перешедших 80-летний рубеж, было неловко. Хотя я и бывал в квартире-музее не один раз, но так и не смог охватить и запомнить огромное собрание исторических и культурных ценностей. Трудно было оторвать взгляд от старинного письменного стола, за которым более полувека работал и творил Андрей Андреевич. Он писал свои и правил чужие рукописи только карандашами – простыми и цветными. И – у каждого ученого свои привычки – огрызки хранил. Их накопилось несметное количество.

К счастью, никто не растащил музей Арндтов-Леонтьевых. Все досталось государству. Еще при жизни сестер экспонаты были расписаны по музеям, они «переселились» в Михайловское, московский музей А.С. Пушкина, в Петербург, Царское село, Петродворец.

Учитель

...Мне довелось пройти 5-ти месячный цикл на кафедре Андрея Андреевича. Здесь умели возбуждать жадность к знаниям и ими делиться. За всем угадывался опыт и влияние мэтра, хотя сам Андрей Андреевич не так уж часто занимался с курсантами. Он предпочитал разнообразие лекторов высокого класса, справедливо полагая, что это интересней для молодых врачей, позволя-

ет из первых уст узнавать и основы, и последние новости того или иного раздела нейрохирургии.

Конечно, свой конек – детскую нейрохирургию Андрей Андреевич оставил за собой, особо блистая в лекции по гидроцефалии. Но мы с восхищением слушали и Юлия Вениаминовича Коновалова – по неврологии очаговых поражений ЦНС, и Александра Романовича Лурия – по нейропсихологии, и Самуила Михайловича Блинкова – по нейроанатомии, и Варвару Евстафьевну Майорчик – по электроэнцефалографии, и Галину Петровну Бургман – по ликворологии, и Наталью Сергеевну Благовещенскую – по отоневрологии... Да по всем разделам такой комплексной дисциплины, как нейрохирургия, выступали первоклассные специалисты Института им. Н.Н. Бурденко. Этот, устроенный Андреем Андреевичем, парад личностей, умов и знаний, необыкновенно расширял наш кругозор, возникало ощущение, что начинаешь подниматься на высокую гору науки.

На кафедре Андрея Андреевича я впервые получил системное представление о нейрохирургии и проникся ее философией. Любопытно отметить, что Андрею Андреевичу было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки» прежде всего как педагогу.

Исследование ранения Пушкина

Был у Андрея Андреевича интерес и к исторической тематике. В 1937 г., когда отмечалось 100-летие гибели Пушкина, Андрей Андреевич совместно с Николаем Ниловичем Бурденко, осуществил научное исследование раны и причины смерти поэта. Это был серьезный труд. Срез за срезом, в точном соответствии с анатомией и топографией реконструировали сложный пробег пули и вызванные ею повреждения брюшной полости и крестца. Андрей Андреевич показывал нам схемы и рисунки фатального ранения. Н.Н. Бурденко и А.А. Арендт доказали неизбежную смертельность полученных повреждений в условиях, разумеется, медицины 30-х годов XIX века. И тем самым опровергли злонамеренные версии, что медики той поры – и среди них прежде всего хирург Николай Федорович Арендт, якобы не предприняли всех мер к спасению поэта.

Невозможный выбор

В конце 50-х – начале 60-х годов, когда страна шарахалась от запрета к запрету, Андрей Андреевич, совмещавший, что было вполне естественно и служило только пользе дела, заведование кафе-

дрой в ЦИУ и руководство детским отделением в Институте нейрохирургии, вынужден был выбрать что-либо одно. Андрей Андреевич переживал: кафедру он покинуть не мог, Институт – тоже. С болью за дело, он писал Министру здравоохранения СССР: «Работа на кафедре нейрохирургии, естественно, должна быть обеспечена клинической базой, каковой и был Институт нейрохирургии на протяжении последних 18 лет. Другой нейрохирургической клинической базы, где могло бы вестись преподавание и усовершенствование по нейрохирургии, в Москве в настоящее время не существует. Кроме того, вряд ли можно в короткий срок создать такое учреждение по нашей дисциплине, которое удовлетворяло бы всем требованиям преподавания нейрохирургии при усовершенствовании врачей по данной специальности. Помимо этого, считаю принципиально неправильным лишать возможности советских нейрохирургов усовершенствовать свои знания на базе наиболее квалифицированного нейрохирургического учреждения, каким является Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко АМН СССР». Однако директива свыше была выполнена. Андрей Андреевич по зарплате остался в штате ЦИУ, а в Институте de facto.

Внимание мэтра

...Андрея Андреевича почему-то заинтересовала моя кандидатская диссертация. Перед апробацией я принес ему полный экземпляр. Андрей Андреевич болел. Ему был предписан постельный режим. Лежал он в своем кабинете на 3-м этаже старого корпуса. Там случайно (или не случайно) на одном пятачке сосредоточились кабинеты заслуженных деятелей науки А.А. Арендта, Л.А. Корейши, М.Ю. Рапопорта. Через неделю мне передали приглашение Андрея Андреевича. Конечно, я волновался. Андрей Андреевич полусидел в постели, я примостился рядом на стуле. Он перелистывал мою толстенную рукопись, показывая места, которые ему понравились, и очеркивая карандашом положения, где требовались пояснения или коррекция. Его профессиональное прочтение поразило меня. Я ведь не его аспирант, он – не мой рецензент, никто не просил его заняться моей диссертацией. Он болен. И такое внимание и отеческое напутствие на прощание!

Величие Андрея Андреевича в том, что так он относился ко всем молодым и немолодым коллегам. Запасы его доброты и любви были неисчерпаемы, а вместе с благородством обли-

ка и души он казался божественным посланцем в нейрохирургической среде.

Последняя встреча

Поздней осенью 1964 года. В Ленинграде проходила большая нейрохирургическая конференция. После вечернего заседания я встретил на Невском Андрея Андреевича, который направлялся в свою гостиницу. Разговорились. Андрей Андреевич показался мне грустным и усталым, но, как всегда, был приветлив и деликатен, расспрашивал о моей работе в Горьком, о Крыме, об отце. Я почувствовал, что он рад моему сопровождению. Шли мы медленно от кладовских коней до Московского вокзала. Андрей Андреевич был тяжело болен – хроническое поражение позвоночника обрекло его на ношение корсета. Посоветовал заняться изучением сочетанной черепно-мозговой травмы (что я впоследствии осуществил вместе с моим другом и учеником, ныне профессором А.П. Фраерманом). Протягивая руку на прощанье у гостиницы «Октябрьская», Андрей Андреевич отечески напутствовал меня: «Не затягивайте, Леонид Болеславович, с докторской». Спустя несколько месяцев он умер.

Похоронили Андрея Андреевича напротив его дома – на Новодевичьем кладбище.

Память

Прошло 55 лет. Школа заслуженного деятеля науки профессора А.А. Арендта разрослась. В каждой республике бывшего Советского Союза открыты отделения детской нейрохирургии. В России их около 30. В Национальном центре нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко две детских клиники. Ученица Андрея Андреевича профессор Анна Аркадьевна Артарян открыла в Центральном институте усовершенствования врачей первую в мире кафедру детской нейрохирургии. Создано научное общество детских нейрохирургов России, Украины и Белоруссии.

Коллекция Андрея Андреевича Арендта хранится в Пушкинском заповеднике, музеях Москвы и Санкт-Петербурга.

О судьбе и деяниях славного потомка лейб-медика Н.Ф. Арендта рассказывают экспозиция в музее Национального центра нейрохирургии, публикации, доклады, документальный фильм «Нейрохирург Андрей Арендт», показанный в Московском музее А.С. Пушкина, Пушкинском заповеднике, на кинофестивале «Нейрохирурги России» и по Центральному телевидению.